

§9 ГУМАНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ерзин А.И., Алистратова Е.Ю.

ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ КИБЕРАГРЕССОРА

Аннотация. Освещается проблема противоправного поведения в Интернет-пространстве. Рост преступности лиц подросткового и юношеского возраста наблюдается не только среди маргинальных слоев общества, но и, что вызывает наибольшие опасения, среди психически условно здорового населения. В статье рассматриваются психологические причины одного из основных проявлений противоправного поведения в Сети – преднамеренной киберагрессии. Авторами представлена классификация форм киберагрессии. Дан вероятностный психологический портрет киберпреступника, выделены ведущие мотивы совершения антисоциальных поступков лицами подросткового возраста в социальных сетях. Исследовано 40 подростков, состоящих из двух подгрупп. В первую подгруппу вошло 20 человек, проходящих реабилитацию в наркологическом диспансере г. Оренбурга, имеющих неоднократные приводы в полицию в связи с деликветными действиями. Вторую подгруппу составили 20 условно здоровых лиц без явных признаков социальной дезадаптации. Кросс-секционный дизайн исследования предполагал одномоментное структурированное интервью и заполнение подростками опросников, направленных на изучение личностных свойств и акцентуаций характера. В результате была выявлена взаимосвязь между опытом в роли виртуального агрессора и следующими свойствами личности: демонстративностью, педантичностью, агрессивностью и возбудимостью. Показано, что условно здоровые подростки, в отличие от лиц с проявлениями девиантности в реальном социальном пространстве, более склонны к преднамеренной виртуальной агрессии. Данное обстоятельство подталкивает к совершенствованию системы правовой регуляции социального взаимодействия пользователей сети Интернет, а также побуждает к разработке мер по профилактике отклоняющегося киберповедения.

Ключевые слова: киберагрессия, кибербуллинг, киберпсихология, проактивная агрессия, антисоциальная направленность, Интернет, свойства личности, характер, акцентуации, девиантное поведение.

Abstract. This article examines the problem of the illegitimate cyber behavior. The growth of juvenile delinquency is observed not only among the marginal population, but also, and what causes the most concern, among the psychically healthy society. The authors explore the psychological aspects of one of the main manifestation of the illegitimate cyber behavior – the intentional cyber-aggression; the classification of the forms of cyber-aggression is being presented. The authors give a hypothetical psychological portrait of a cyber-delinquent, as well as determine the leading motives for conducting the antisocial acts by the juveniles in the social networks. The research was conducted on 40 teenagers, which were divided into two subgroups. The first group consisted of 20 people from the drug rehabilitation center of Orenburg, who have repeatedly convicted of delinquent actions; the second group consisted of 20 conditionally healthy teenagers without clear signs of social dysadaptation. The correlation was determined between the experience in the role of cyber-aggressor and the following personal properties: ostentation, meticulousness, aggressiveness, and affectability. It is illustrated that the conditionally healthy teenagers are more prone to the intentional cyber-aggression. This circumstance encourages to improve the system of legal regulation among the Internet users, as well as to develop measure on prevention of the deviant cyber behavior.

Key words: character structure, personality traits, Internet, antisocial behavior, proactive aggression, cyberpsychology, cyberbullying, cyber-aggression, accentuations of character, deviant behavior.

Введение

За последнее десятилетие в СМИ стали чаще появляться сообщения о совершении противоправных действий и актов насилия молодыми людьми под влиянием компьютерных и онлайн-игр [1-3]. Интернет-зависимость [3-4], впрочем, можно назвать «болезнью современного молодого человека». При этом следует признать, межличностное взаимодействие Интернет-пользователей в Российской Федерации пока еще не регулируется на удовлетворительном уровне. Однако проблема заключается не только в разработке нормативных правовых актов [5-6], регламентирующих поведение людей в социальных сетях, но и в формировании культуры сетевого взаимодействия.

Наиболее распространенной формой противоправного киберповедения, проявляющегося, прежде всего, в онлайн-общении, является проактивная Интернет-агрессия [7-11], под которой следует понимать действия преднамеренного характера, преследующие своей целью спровоцировать собеседника, нарушить его эмоциональное равновесие, «вывести из себя», запугать, унижить, подвигнуть на ответные меры, нередко сопровождающиеся раздражением или гневом [10-12]. Диапазон проявлений преднамеренной киберагрессии широк – от сравнительно «безобидных» провокационных высказыва-

ний, касающихся личных убеждений, интересов, увлечений оппонента, до оскорблений, угроз, запугиваний, разжигания конфликтов на национальной и религиозной почве, доведения до самоубийства и т.д. [13-28]. Очевидно, проблема преступного поведения в сети Интернет способна принять масштабы эпидемии без должного к ней внимания специалистов из различных областей научного знания – психиатров, психологов, аддиктологов, философов, социологов, а также в отсутствии законодательных актов, защищающих права пользователей и регламентирующих межличностное взаимодействие в виртуальном пространстве.

Важной задачей перед исследователями киберагрессии встает классификация агрессивных действий. Наиболее часто встречаются следующие формы отклоняющегося сетевого поведения: флейм, троллинг, флуд, кибер-буллинг, адвертивный троллинг, астротурфинг. Одной из самых опасных форм киберагрессии является кибербуллинг (от англ. *bull* – бык, с родственными значениями: нападать, терроризировать, травить) [17-20]. Кибербуллинг представляет собой виртуальный террор, киберзапугивание [21-22]. Кибербуллеры применяют различные методы для травли своих жертв. Это может быть использование личной информации, анонимные угрозы, преследование и т.д. Часто в преследовании и травле жертв в социальных сетях, на фору-

Характеристики основных типов киберагрессии

Характеристика	Флейм	Троллинг	Флауд	Кибербуллинг	Адвертивный троллинг	Астротурфинг
Носит провокационный характер	+	+	-	+	+	-
Представляет высокую опасность для психического здоровья пользователей сети	-	-	-	+	-	+
Предусматривает наказание (в т.ч. уголовное)	-	-	-	+	-	+
Затрагивает интересы массовой аудитории	-	-1	+	-1	+	+
Требует временные затраты для реализации	+	+	+	+		+
Требует временные затраты для жертв киберагрессии	+	+	+	+	+	+
Имеет материальную выгоду	-	-	-	+2	+	+
Киберагрессора легко заблокировать	+	+	+	-	-	-

¹ – кроме случаев Интернет-террора или троллинга группы лиц, объединенных общими признаками (например, расовый кибербуллинг, кибербуллинг по принадлежности к низшей социальной нише, и т.д.)

² – в случаях использования сетевой агрессии как орудия шантажа с целью материальной выгоды.

мах и порталах выступает не одно лицо, а целая группа людей. Анонимные угрозы в адрес жертв и их преследование может быть различным. Часто кибербуллеры в качестве жертв выбирают подростков с неустойчивой психикой, чтобы получить максимальное удовольствие от страдания несовершеннолетнего человека. Киберагрессоры, по мнению ряда зарубежных исследователей [19, 22, 25-26], нередко сами являются подростками. Кибербуллинг представляет собой серьезную проблему и в некоторых случаях требует вмешательства правоохранительных органов, чтобы остановить преследование.

Ниже представлены классификационные критерии различных форм киберагрессии (табл. 1).

Психологический анализ проактивной киберагрессии должен быть ориентирован не столько на описание различных проявлений девиантного сетевого поведения, сколько на раскрытие психологических причин, мотивационных источников подобной активности, на описание личности киберагрессора (психологическое профилирование).

Среди часто встречающихся мотивов агрессивного сетевого поведения следует указать на мотив самоутверждения и компенсации, потребность в привлечении к себе внимания, «крик о помощи», любопытство и эксперимент (узнать, как отреагирует собеседник?), потребность в доминировании и власти, развлечении, мотив преследования, мести, потребность причинить страдания и душевную боль жертве. Мы полагаем, что базовым психологическим механизмом формирования киберагрессии является механизм смещения деструктивной направленности

с первоначального объекта в реальной жизни на потенциальную жертву в Интернет-пространстве. Иногда киберагрессоры в повседневной жизни не выказывают открытого недовольства и враждебности по отношению к своим реальным оппонентам и, более того, склонны сдерживать агрессивные импульсы, нередко сами оказываются в роли жертвы. Действительно, значительная доля буллеров сами в прошлом пережили опыт виктимизации [29].

Если мы попытаемся составить психологический портрет киберагрессора, то, в первую очередь, обратим внимание на фрустрированность, низкую стрессоустойчивость и, вероятно, отсутствие продуктивных жизненных целей. Повседневные проблемы и трудности, включая сферу общения, для такого человека способны вызвать состояние фрустрации. Реальная жизнь оказывает на него давление, с которым он справляется, либо пассивно адаптируясь к ситуации, либо вовсе избегая психотравмирующих обстоятельств. Возможно, этот человек не способен в полной мере проанализировать сложившуюся ситуацию, ему свойственны дезадаптивные установки, когнитивные ошибки и заблуждения, а также внешний локус контроля (склонность приписывать ответственность за произошедшее другим людям и обстоятельствам). Итак, избегающее поведение в реальной жизни является характерной поведенческой стратегией лиц, склонных к киберагрессии.

Садистические наклонности, формирующиеся под влиянием мотива мести за череду неудач и трудностей, в сочетании с невозможностью (или неспособностью) их реализации в реаль-

ном социальном пространстве, ищут выхода. Выход для деструктивных импульсов предоставляет Интернет-пространство, где фактор анонимности способствует актуализации агрессивных тенденций. К этому необходимо добавить и то, что киберагрессоры находятся со своими виртуальными оппонентами-жертвами на расстоянии и поэтому защищены от ответной реакции в форме физической агрессии, что создает чувство безопасности.

Связь черт характера и преднамеренной киберагрессии – проблемное поле для будущих исследований. Однако уже сейчас имеются данные о взаимосвязи кибербуллинга и таких особенностей личности, как дефицит эмпатии, жестокость и бессердечие, склонность к манипулированию и отсутствие угрызений совести [19, 26, 27]. Все эти черты составляют ядро диссоциального расстройства личности, однако, в той или иной степени выраженности могут встречаться у нормальных людей.

Целью настоящего исследования явилось изучение взаимосвязи свойств личности и склонности к проактивной киберагрессии.

Материалы и методы. Было обследовано 40 подростков в возрасте 13-17 лет. 20 из них – пациенты наркологического диспансера, злоупотребляющие психоактивными веществами, имеющие приводы в полицию в связи с делинквентными и противоправными действиями. В подвыборку вошло 11 лиц мужского пола и 9 – женского. Другие 20 подростков – условно здоровые люди без нарушений социальной адаптации. В это подвыборку вошло 9 лиц мужского пола и 11 – женского. Основным критерием для включения респондентов в исследование явилось наличие активных аккаунтов в социальных сетях и/или онлайн-играх.

Использовались следующие психодиагностические **методики**: авторская анкета, направленная на выявление признаков проактивной киберагрессии и отношения к ней респондентов, личностный опросник Дж. Олдхэма и Л. Морриса, сокращенный многофакторный опросник для исследования личности «Мини-мульти», характерологический опросник К. Леонгарда.

Результаты и их обсуждение

С помощью метода анкетирования было установлено, что все обследованные подростки активно проводят время в социальных сетях и онлайн-играх на протяжении не менее чем 2-3

лет. Большинство подростков обеих подгрупп (80% девиантных подростков и 95% их условно здоровых сверстников) знакомы с явлением киберагрессии, имеют представления о мотивах киберагрессора и эмоциональных проявлениях его жертв. В группе девиантных подростков преднамеренная киберагрессия чаще оценивается как отрицательное явление, а в группе их условно-здоровых сверстников – как положительное или нейтральное. Девиантные подростки чаще подвергаются нападениям со стороны киберагрессоров, а подростки контрольной группы чаще сами инициируют виртуальную агрессию.

Показатели акцентуаций характера по каждой из субшкал опросника К. Леонгарда были представлены в обеих группах различным уровнем выраженности, лишь в некоторых случаях достигая значимых различий. Так, достоверные различия обнаружены по субшкале «Циклотимия» ($U_{эмп} = 98.5$), по которой девиантные подростки получали более высокие баллы ($M = 17.8$, $SD = 4.26$). Достоверно более высокие баллы по шкале «Гипертимия» ($U_{эмп} = 11$) также чаще получали подростки с наркозависимостью ($M = 16.45$, $SD = 5.23$). Статистически значимые различия между группами выявлены по шкалам «Эмотивность» ($U_{эмп} = 12$) и «Застревание» ($U_{эмп} = 137$), при этом девиантные подростки чаще давали более высокие результаты. Достоверно надежных различий по субшкалам «Демонстративность», «Педантизм», «Возбудимость», «Тревожность», «Дистимия» и «Экзальтация» не обнаружено, что свидетельствует о приблизительно равной выраженности данных свойств характера и акцентуаций у подростков обеих групп.

По методике «Мини-мульти» статистически значимые различия между показателями обнаружены лишь по двум шкалам – «Истерия» ($U_{эмп} = 127$) и «Психопатия» ($U_{эмп} = 126.5$). Девиантные подростки ($M = 52.65$, $SD = 3.41$) чаще, чем их условно здоровые сверстники ($M = 46.2$, $SD = 10.23$), получали более высокие баллы по шкале «Психопатия», свидетельствующей о трудностях социальной адаптации. Наркозависимые подростки с девиантным поведением более агрессивны, конфликтны, чаще пренебрегают социальными нормами и ценностями. Их настроение неустойчиво, они обидчивы, на первый план выступают признаки эмоциональной незрелости, импульсивности, нетерпеливости, возможны приступы гнева.

По шкале «Истерия», наоборот, условно-здоровые подростки чаще получали высокие баллы ($M=49.25$, $SD=8.137$). Данные показатели свидетельствуют о том, что подростки чаще проявляют признаки демонстративности, им присуще стремление обращать на себя внимание других людей, преувеличивать свои достижения. Чувства к окружающим поверхностны, переживания ориентированы на зрителя.

По методике Дж. Олдхэма и Л. Морриса статистически значимые различия по субшкале «Авантюрный тип» ($U_{эмп}=91.5$) указывают на то, что черты характера, присущие этому типу, более свойственны девиантным подросткам ($M=9.75$, $SD=2.73$), чем их условно здоровым сверстникам ($M=6.65$, $SD=3.18$). Авантюрный тип характера свойственен подросткам, имеющим свою систему ценностей (нередко – с признаками асоциальности).

Средние показатели по субшкале «Деятельный тип» не являются ярко выраженными в обеих группах, однако, имеют достоверно значимые различия ($U_{эмп}=94.5$). Данный факт свидетельствует о том, что девиантные подростки ($M=1.6$, $SD=2.66$) более склонны активно действовать согласно своим желаниям и потребностям, проявлять инициативу. Они более любопытны, эмоциональны, импульсивны, предъявляют высокие требования к отношениям.

По субшкале «Чувственный тип» полученные результаты также не являются высокими, однако, достоверные различия между ними ($U_{эмп}=10.5$) позволяют утверждать, что подросткам основной группы ($M=8$, $SD=3.36$) чаще, чем условно-здоровым подросткам ($M=5.8$, $SD=2.28$) свойственны скрытность, осторожность, ограничение поведения одной социальной ролью в общении с посторонними людьми.

Исследование взаимосвязи склонности к преднамеренной киберагрессии и позитивного к ней отношения обнаружило тесную положительную корреляцию (.503) в группе условно здоровых лиц. У девиантных подростков анализ корреляционных зависимостей обнаружил умеренную положительную связь (.490) между опытом в роли киберагрессора и отрицательным отношением к виртуальной агрессии. Это доказывает, что условно здоровые подростки более склонны к преднамеренной Интернет-агрессии и положительно к ней относятся, в то время как девиантные подростки не считают ее нормальным поведением и значительно реже прибегают к ее использованию, при этом чаще реализуя аг-

рессивные тенденции в реальной жизни – в реальных конфликтах и на реальных жертвах.

В группе подростков с девиантным поведением выявлена положительная корреляция (.488) между опытом в роли киберагрессора и агрессивным типом (по Дж. Олдхему). Позитивное отношение к проактивной киберагрессии имеет слабые положительные связи с педантичным (.490) и дистимным (.394) типами по К. Леонгарду, шкалами «Ипохондрии» (.348) и «Истерии» (.311) опросника «Мини-мульти», а также «Деятельным типом» (.317) по Дж. Олдхему. Позитивное отношение к агрессии в виртуальной среде в данной подгруппе отрицательно коррелирует с одиноким (-.309), преданным (-.448) и добросовестным (-.520) типами личности. Негативное отношение к киберагрессии у наркозависимых подростков положительно взаимосвязано с возбуждаемым (.490) и циклотимным (.394) типами по К. Леонгарду; бдительным (.351), одиноким (.471), чувственным (.453) и склонным к самопожертвованию (.300) типами по Дж. Олдхему. Отрицательно коррелируют с негативным отношением к киберагрессии гипертимный тип (-.374) по К. Леонгарду, шкала «Истерия» (-.346) опросника «Мини-мульти», и агрессивный тип (-.361) по Дж. Олдхему.

Условно здоровые подростки чаще позитивно относятся к проактивной киберагрессии, если имеют следующие характеристики: возбуждаемый тип личности по К. Леонгарду (.325), драматический (.378), добросовестный (.325) и агрессивный (.305) типы по Дж. Олдхему. Обратная умеренная взаимосвязь обнаружена между позитивным отношением к киберагрессии и шкалой «Депрессия» (-.385) опросника «Мини-мульти». В контрольной группе с негативным отношением к Интернет-агрессии положительно коррелируют демонстративный (.414), гипертимный (.427) и тревожный (.429) типы личности по К. Леонгарду.

Выводы

Исследование показало, что киберагрессия довольно часто встречается у лиц психически здоровых, без признаков социальной дезадаптации. Девиантные подростки (с аддиктоноподобным поведением) реже прибегают к реализации агрессивных тенденций в Интернет-среде, чем их условно-здоровых сверстники. Этот факт можно интерпретировать тем,

что, с одной стороны, наркозависимые подростки значительно реже проводят время за компьютером, с другой стороны, им свойственно реализовывать агрессивный потенциал в реальной жизни. В свою очередь, условно-здоровые лица, соблюдая социальные нормы, в реальности склонны сдерживать свои агрессивные позывы, перенаправляя их на виртуальных жертв во время сетевого общения.

Настоящее исследование представляет собой попытку выявления преобладающих свойств характера и типов личности, которые предопределяют противоправное поведение в сети Интернет. Результаты исследования позволяют уточнить психологический портрет киберагрессора, что в перспективе может быть использовано в психологическом профилировании сетевых правонарушителей. Удалось установить, что опыт киберагрессии положительно взаимосвязан с такими свойствами личности, как демонстративность, педантичность, агрессивность и

возбудимость. Одиноким, преданным, добросовестным и тревожным типам личности являются предикторами негативного отношения к виртуальной агрессии.

Направление будущего исследования личностных детерминант преднамеренной киберагрессии мы видим в анализе мотивов данной формы сетевой активности, ее ценностно-смысловых и когнитивных предикторов, а также в изучении эффектов влияния стрессовых событий и виктимизации.

Мы обращаем внимание также на то, что киберпреступность растет не только среди маргинальных слоев общества, но и среди психически здорового населения – у детей и подростков, которые пытаются решить свои проблемы посредством самоутверждения в Сети. Наше исследование дополняет череду публикаций по киберпсихологии [30-31], содействуя развитию данного направления в российской науке [32].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Войскунский А.Е. Развивается ли агрессивность у детей и подростков, увлеченных компьютерными играми? // Вопросы психологии.-2010.-№ 6.-С. 133-143.
2. Годик Ю.О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой Интернет-аудитории // Вестник Московского университета.-Серия 10: Журналистика.-2011.-№ 6.-С. 115-129.
3. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал.-2012.-№ 1.-С. 81-87.
4. Ван Ш., Войскунский А.Е., Митина О.В., Карпухина А.И. Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики.-2011.-Т. 8.-№ 4.-С. 73-101.
5. Бондаренко А.В. Организация и нормативно-правовое обеспечение киберобороны Российской Федерации с учетом передового зарубежного опыта // Вопросы защиты информации.-2013.-№ 3 (102).-С. 92-99.
6. Войскунский А.Е. Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал.-2010.-№ 1.-С. 48-53.
7. Алистратова Е.Ю. Проактивная агрессия в Интернете: причины, последствия и возможные пути профилактики // NB: Психология и психотехника.-2014.-№ 1.-С. 39-54.
8. Ерзин А.И. Диагностика и коррекция агрессивного поведения: Учебное пособие.-Оренбург, 2012. – 247 с.
9. Ерзин А.И. Проблема проактивности в психологии здоровья // NB: Психология и психотехника.-2014.-№ 1.-С. 94-124.
10. Ерзин А.И. Агрессия как форма проактивного поведения // Вестник Оренбургского государственного университета.-2013.-№ 2 (151).-С. 77-80.
11. Ерзин А.И. Гендерные различия в реактивной и проактивной агрессии у студентов // NB: Психология и психотехника.-2013.-№ 3.-С. 326-337.
12. Dodge, K. A., Coie, J. D., Lynam, D. Aggression and antisocial behavior in youth. In N. Eisenberg, W. Damon, & R. M. Lerner (Eds.) // Handbook of child psychology.-New York: Wiley, 2006.-P. 719-788.
13. Ефимова Е.С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред // Успехи в химии и химической технологии.-2014.-Т. 28.-№ 7 (156).-С. 65-66.
14. Зинцова А.С. Влияние кибербуллинга на личность подростка // Сборник научных трудов Sworld.-2013.-Т. 21.-№ 2.-С. 12-14.

15. Зинцова А.С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.-2014.-№ 3 (35).-С. 122-128.
16. Макеев О.Ю. Интернет. Реальность. Кибератаки // Социально-гуманитарные знания.-2011.-№ 8.-С. 283-287.
17. Aalsma M.C., Brown J.R. What is bullying? // Journal of Adolescent Health.-2008.-Vol. 43.-P. 101–102.
18. Anderson, T., Sturm, B. Cyberbullying: From playground to computer // Young Adult Library Services.-2007.-Vol. 5.-P. 24–27.
19. Ang R.P., Goh D.H. Cyberbullying among adolescents: the role of affective and cognitive empathy, and gender // Child Psychiatry and Human Development, 2010.-p. 41.
20. Brighi A., Guarini A., Melotti G., Galli S., Genta M.L. Predictors of victimization across direct bullying, indirect bullying and cyberbullying // Emotional and Behavioural Difficulties, 2012, p. 17.
21. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide // Archives of Suicide Research, 2010.-p. 14.
22. McQuade S.C., Colt J.P., Meyer N. Cyber bullying: Protecting kids and adults from online bullies.-Praeger, California, 2009.
23. Pornari C.D., Wood J. Peer and cyber aggression in secondary school students: the role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies // Aggressive Behaviour, 2010.-p. 36.
24. Schultze-Krumbholz A., Scheithauer H. Social-behavioural correlates of cyberbullying in a German student sample // Journal of Psychology, 2009. – p. 217.
25. Snakenborg J., van Acker R., Gable R. A. Cyberbullying: Prevention and Intervention to Protect Our Children and Youth // Preventing School Failure. – 2011. Vol. 55(2).-P. 88–95.
26. Steffgen G., König A., Pfetsch J., Melzer J.A. Are cyberbullies less empathic? Adolescents' cyberbullying behavior and empathic responsiveness // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking, 2011.-p. 14.
27. Williams, K. R., & Guerra, N. G.. Prevalence and predictors of Internet bullying // Journal of Adolescent Health. – 2007.-Vol. 41.-P. 14–21.
28. Ybarra M.L., Mitchell K.J. Online aggressor/targets, aggressors and targets: A comparison of associated youth characteristics // Journal of Child Psychology and Psychiatry.-2004.-Vol. 45.-P. 1308–1316.
29. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психологическая наука и образование-2014.-№ 2.-С. 246-256.
30. Войскунский А.Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // Universum: Вестник Герценовского университета.-2013.-№ 4.-С. 88-90.
31. Voiskounsky A.Ye. Psychology of computerization as a step towards the development of cyberpsychology // Psychology in Russia: State of the Art.-2013.-Vol. 6.-№ 4.-P. 150-159.
32. Войскунский А.Е. Перспективы становления психологии Интернета // Психологический журнал.-2013.-Т. 34.-№ 3.-С. 110-118

REFERENCES

1. Voiskunskii A.E. Razvivaetsya li agressivnost' u detei i podrostkov, uvlechennykh komp'yuternymi igrami? // Voprosy psikhologii.-2010.-№ 6.-S. 133-143.
2. Godik Yu.O. Ugrozy i riski bezopasnosti detskoj i podrostkovoj Internet-auditorii // Vestnik Moskovskogo universiteta.-Seriya 10: Zhurnalistika.-2011.-№ 6.-S. 115-129.
3. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologii // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal.-2012.-№ 1.-S. 81-87.
4. Van Sh., Voiskunskii A.E., Mitina O.V., Karpukhina A.I. Svyaz' opyta potoka s psikhologicheskoi zavisimost'yu ot komp'yuternykh igr // Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki.-2011.-T. 8.-№ 4.-S. 73-101.
5. Bondarenko A.V. Organizatsiya i normativno-pravovoe obespechenie kiberoorony Rossiiskoi Federatsii s uchetom peredovogo zarubezhnogo opyta // Voprosy zashchity informatsii.-2013.-№ 3 (102).-S. 92-99.
6. Voiskunskii A.E. Informatsionnaya bezopasnost': psikhologicheskie aspekty // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal.-2010.-№ 1.-S. 48-53.
7. Alistratova E.Yu. Proaktivnaya agressiyav Internetе: prichiny, posledstviya i vozmozhnye puti profilaktiki // NB: Psikhologiya i psikhotehnika.-2014.-№ 1.-S. 39-54.

8. Erzin A.I. Diagnostika i korrektsiya agressivnogo povedeniya: Uchebnoe posobie.-Orenburg, 2012. – 247 s.
9. Erzin A.I. Problema proaktivnosti v psikhologii zdorov'ya // NB: Psikhologiya i psikhotekhnika.-2014.- № 1.-S. 94-124.
10. Erzin A.I. Agressiya kak forma proaktivnogo povedeniya // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta.-2013.-№ 2 (151).-S. 77-80.
11. Erzin A.I. Gendernye razlichiya v reaktivnoi i proaktivnoi agressii u studentov // NB: Psikhologiya i psikhotekhnika.-2013.-№ 3.-S. 326-337.
12. Dodge, K. A., Coie, J. D., Lynam, D. Aggression and antisocial behavior in youth. In N. Eisenberg, W. Damon, & R. M. Lerner (Eds.) // Handbook of child psychology.-New York: Wiley, 2006.-P. 719–788.
13. Efimova E.S. Kiberbulling kak problema psikhopedagogiki virtual'nykh sred // Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii.-2014.-T. 28.-№ 7 (156).-S. 65-66.
14. Zintsova A.S. Vliyanie kiberbullinga na lichnost' podrostka // Sbornik nauchnykh trudov Sworld.-2013.-T. 21.-№ 2.-S. 12-14.
15. Zintsova A.S. Sotsial'naya profilaktika kiberbullinga // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki.-2014.-№ 3 (35).-S. 122-128.
16. Makeev O.Yu. Internet. Real'nost'. Kiberataki // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.-2011.-№ 8.-S. 283-287.
17. Aalsma M.C., Brown J.R. What is bullying? // Journal of Adolescent Health.-2008.-Vol. 43.-P. 101–102.
18. Anderson, T., Sturm, B. Cyberbullying: From playground to computer // Young Adult Library Services.-2007.-Vol. 5.-P. 24–27.
19. Ang R.P., Goh D.H. Cyberbullying among adolescents: the role of affective and cognitive empathy, and gender // Child Psychiatry and Human Development, 2010.-p. 41.
20. Brighi A., Guarini A., Melotti G., Galli S., Genta M.L. Predictors of victimization across direct bullying, indirect bullying and cyberbullying // Emotional and Behavioural Difficulties, 2012, p. 17.
21. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide // Archives of Suicide Research, 2010.-p. 14.
22. McQuade S.C., Colt J.P., Meyer N. Cyber bullying: Protecting kids and adults from online bullies.-Praeger, California, 2009.
23. Pornari C.D., Wood J. Peer and cyber aggression in secondary school students: the role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies // Aggressive Behaviour, 2010.-p. 36.
24. Schultze-Krumbholz A., Scheithauer H. Social-behavioural correlates of cyberbullying in a German student sample // Journal of Psychology, 2009. – p. 217.
25. Snakenborg J., van Acker R., Gable R. A. Cyberbullying: Prevention and Intervention to Protect Our Children and Youth // Preventing School Failure. – 2011. Vol. 55(2).-P. 88–95.
26. Steffgen G., König A., Pfetsch J., Melzer J.A. Are cyberbullies less empathic? Adolescents' cyberbullying behavior and empathic responsiveness // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking, 2011.-p. 14.
27. Williams, K. R., & Guerra, N. G.. Prevalence and predictors of Internet bullying // Journal of Adolescent Health. – 2007.-Vol. 41.-P. 14–21.
28. Ybarra M.L., Mitchell K.J. Online aggressor/targets, aggressors and targets: A comparison of associated youth characteristics // Journal of Child Psychology and Psychiatry.-2004.-Vol. 45.-P. 1308–1316.
29. Guseinova E.A., Enikolopov S.N. Vliyanie pozitsii podrostka v bullinge na ego agressivnoe povedenie i samoootsenku // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie-2014.-№ 2.-S. 246-256.
30. Voiskunskii A.E. Kiberpsikhologiya kak razdel psikhologicheskoi nauki i praktiki // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta.-2013.-№ 4.-S. 88-90.
31. Voiskounsky A.Ye. Psychology of computerization as a step towards the development of cyberpsychology // Psychology in Russia: State of the Art.-2013.-Vol. 6.-№ 4.-P. 150-159.
32. Voiskunskii A.E. Perspektivy stanovleniya psikhologii Interneta // Psikhologicheskii zhurnal.-2013.-T. 34.-№ 3.-S. 110-118